

Елена Нестерова

Отель 2
для призраков

Елена Нестерова
Отель для призраков-2

«ИП Астапов»

2014

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

Нестерова Е.

Отель для призраков-2 / Е. Нестерова — «ИП Астапов»,
2014

ISBN 978-5-9906008-8-1

“Отель для Призраков 2” – новый долгожданный роман нашего постоянного автора Елены Нестеровой, это достойное продолжение культового романа “Отель для Призраков”. У Вас, дорогие читатели, снова появилась возможность проникнуть в мир духов, не используя магию и спиритические сеансы, стоит лишь заглянуть в Отель для Призраков, где живут неупокоенные души в ожидании последнего путешествия на небо. Все тайны рождения и смерти, неизведанные тропы человеческой души, невыдуманные истории и множество потрясающих открытий ждёт вас на страницах книги. Можно верить и не верить, можно жить в реальном мире или в мире фантазий, но если допустить их слияние, то взору откроются невероятные чудеса.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9906008-8-1

© Нестерова Е., 2014
© ИП Астапов, 2014

Содержание

От автора	6
О главном!	7
Часть 1	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	32
Глава девятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Нестерова

Отель для призраков-2

© Елена Нестерова, 2014

От автора

Можно верить и не верить, можно жить в реальном мире, а можно в мире фантазий. Можно любить и не любить! Но... Есть в нашей жизни две неоспоримые вещи, априори которые не подвергаются сомнению – это Рождение и Смерть.

Если с Рождением всё более или менее понятно, то к смерти мы относимся по-разному. Кто-то боится её приближения, кто-то ждёт с мольбой, надеясь избавиться от земных мук.

Но что если Смерть приходит за вами, когда жизнь в самом разгаре: множество планов на будущее, дом, семья, дети?.. Что тогда? Вы остаётесь на этой земле без возможности стоять на ней. Вы видите, но не можете потрогать, вы слышите, но не в силах ответить... Ваше тело мертво, но дух жив и просит о помощи.

И тогда помощь приходит в лице тех, кто призван оберегать неприкаянных и обездоленных, предоставляя им крышу над головой и веру в будущее, приглашая их души в «Отель для Призраков».

О главном!

Многие события и персонажи в романах «Отель для Призраков» и «Отель для Призраков 2» – не являются вымышленными. Хроники катастроф, аварий, несчастных случаев, приведших к трагической гибели людей, описаны мною, преодолевая величайшую скорбь... Их боль не оставила меня равнодушной и, преломляясь в моём сердце, создала эти произведения.

Их имена и фамилии изменены, их истории приобрели лёгкий налёт моей фантазии, от этого их образы перестали быть газетными персонажами из полицейской хроники разных лет.

Хорошо это или плохо – спорно, но люди быстро забывают чужую боль, и, чтобы оставаться живыми, мы должны помнить тех, кто не успел насладиться этим чувством до конца!

Прошу прощения у тех, кто, возможно, узнает в описанных персонажах своих родных и друзей. Вечная им память!

Часть 1

Украденное сердце

Глупец боится смерти, а мудрец её не торопит...

Глава первая

День моего рождения

Я родилась в мае, когда природа пробуждалась, наполняя мир звуками, шорохами, пеньем птиц и потрясающими запахами свежести, летающими в воздухе. Попадая в наши лёгкие, они, просачиваясь в кровь, будоражили разум, возбуждая к жизни всё наше тело и разум.

Мама Соня проснулась рано утром с первыми лучами солнца, но отец уже был одет в свой лучший костюм и держал в руках мамину сумку с одеждой, собранной в роддом.

– Какой день сегодня праздничный. Вставай, любимая, нам пора!

Мама послушно встала, приняла душ и, одевшись в нарядное платье, пошла за ним – послушно, как и всегда, доверяя каждому его слову.

Мой отец, Ник, или Николай Зорин, был человеком потрясающим и сверхъестественным. Все чудеса этого мира сконцентрировались в его голове, но он имел такт и сдержанность к этим Божьим дарам и пользовался ими с умом. Он видел будущее, и время охотно делилось с ним своими секретами, он мог перемещаться в пространстве и подниматься над землёй на приличное расстояние. Он научился читать мысли, и эмоциональное поле собеседника было для него важнее его слов.

В этот день он точно знал, что я появлюсь на свет, и приготовился к этому событию с величайшей ответственностью.

Итак, я родилась и громко заплакала, добавив звуков в весенний хаос Москвы.

Имя мне дали не раздумывая, ещё до моего рождения, стоило моей маме понять, что в её чреве зародилась новая жизнь. Папа звал меня Варенька, а мама – Варюша.

Моё детство проходило в радостном неведении, что мир вокруг может быть жестоким и несправедливым.

В школе, которую я посещала изредка, меня уважали и даже побаивались. Я была умна, решительна и беспощадна... Всякие недостойные действия, направленные в мой адрес, пресекались молниеносно, лишь стоило взглянуть на обидчика. До сих пор не знаю, что чувствовали эти дети, но впредь они больше не доставляли мне неприятностей.

В основном моим образованием занимались родители, и в силу этого обстоятельства и изолированности от мира, друзей у меня не было.

Дом № 3/2 в переулке Вечности, в котором мы жили, был самым потрясающим местом на Земле. Сюда мы вселились за три месяца до моего рождения, но я уже всё понимала и отчётливо помню, как переживали мои родители, потеряв дом, в котором они меня зачали.

По странной причине дом сгорел, чуть не погубив всех нас. Он вспыхнул мгновенно, словно на него вылили цистерну бензина. Хорошо, что отец успел перенести нас на безопасное расстояние.

Когда огонь погас и утренний туман прибил к земле пепел и тоненькие струйки дыма, мы вернулись...

На пепелище мы подобрали некоторые вещи, которые чудесным образом не пострадали, и переехали в Москву.

Этот двухэтажный особняк достался нам по наследству, и постепенно, обживаясь, мы оценили его гостеприимство и полюбили всем сердцем. И будущее обещало быть ласковым и беззаботным, но мой шестнадцатый День рождения изменил всё.

Утром Дня рождения родители подарили мне скромные подарки, сославшись на то, что вечером будет грандиозный праздник и сюрприз.

Нужно было идти в школу. Годовые контрольные вынуждали меня посещать «храм знаний» в конце года, и даже этот праздничный день не был исключением...

Вынырнув из нашего уютного переулка, я пошла по улице Весенней, к школе, которая находилась прямо за углом.

Я не слышала, как она подошла, только почувствовала холод, и словно камень положили на сердце. Она двигалась плавно и легко, словно плыла над асфальтом. Чёрные, бесформенные одежды прикрывали всё её тело, и подол плаща волочился по земле, но, как ни странно, был совершенно чистым. На голове был надет капюшон, глубоко нависая на глаза.

Она не смотрела на меня, но разговор начала сразу, как только я обнаружила её присутствие рядом с собой. Её голос звучал словно эхо. По монотонности речи поначалу казалось, что в нём нет эмоций, но позже я поняла, что это не так. В нём было всё: и нежность, и любовь, и радость встречи.

– Если не ошибаюсь, Варенька?

– Да, меня зовут Варя. А разве мы знакомы?

– Знакомы ли мы? Не смей меня, ещё как!

– Странно, но я вас совсем не помню!

– Вспомнишь, но чуть позже. Но даже если ты не в теме, я очень рада встретить тебя.

В этой жизни ты просто красавица.

– Спасибо! А как вас зовут?

Я знала, что человеческая жизнь – это череда событий и звеньев. Папа рассказывал мне многое, но встретить свою знакомую из прошлого своего воплощения я не ожидала.

Незнакомка в плаще засмеялась и посмотрела на меня. И я увидела её глаза. Это были не человеческие глаза: две бездонные чаши, два омота без дна, чёрного цвета. А там... Чем дольше я смотрела, тем яснее видела в них яркие звёзды.

Эти странные глаза не были ни добрыми, ни злыми, лишь холодный свет излучали огни, горящие внутри них. А ещё... Там была печаль, простая человеческая печаль, что гнетёт наши души, что не даёт нам жить, забирая искорки радости и любви...

– Моё имя ты знаешь, Варенька!

– Но я не помню...

– Не страшно! Значит, ещё не время... Вспомнишь ещё...

Она пригладила длинные седые волосы, выбившиеся из-под капюшона, своими костлявыми руками с тонкими длинными пальцами, и отвернулась от меня. Я почувствовала, что она была слегка взволнована.

Странная женщина, но... Мне вдруг показалось, что я знаю её очень давно, так бесконечно давно, как только можно себе представить.

Но мои мысли и воспоминания прервались от страшного крика и скрежета тормозов.

На дороге лежало тельце девочки, свободно раскинув руки в стороны, как белая птица. Она была одета в светлое платье, и оно медленно окрашивалось в цвет крови.

Я бросилась к ней, но моя спутница закричала:

– Варя, не смей подходить к ней! Ей ещё рано!

Но я не слушала и, подбежав к ребёнку, стала проверять ей пульс, как это видела в кино, и тут же серебристая тень отошла от тела, так же раскинув руки и приняв вертикальное положение, посмотрела на меня, удивлённо и не моргая...

За спиной стояла моя странная знакомая, имени которой я никак не могла вспомнить, и печально качала головой.

– Эх, Варенька, что ты наделала!

С этими словами она подняла руку к небу, и, разбивая лёгкие облака, на землю спустился столп света.

– Лети, малышка. Ты свободна!

Она подтолкнула серебристую тень в небо, но та – зависла, словно что-то не отпускало её.

– Варя, отойди подальше. Немедленно! И так столько дел натворила, и я, старая, не углядела. В День рождения такой конфуз сотворили.

Когда душа влетела в свет, её потянуло вверх, и вскоре она исчезла, а к девочке-птице подбежали прохожие и «скорая» подроспела, но было уже поздно.

Я стояла растерянная и смотрела на женщину в капюшоне.

– Что я натворила? Объясните мне!

– А разве мама с папой ещё не сделали этого?

– Чего?

– Пойдём в сквер, я расскажу тебе. Уже можно. Ведь у тебя сегодня День рождения?

– Да.

Мы сели на лавочку, и незнакомка рассказала мне, как дорого для девочки обошёлся мой гражданский порыв к её спасению.

– Эта девочка не должна была умереть. У неё был шанс выжить. Правда, она бы осталась инвалидом... Но суть не в этом. Нельзя нарушать порядок вещей.

Твоё предназначение – помогать неуспокоенным душам, а не забирать жизнь. Стоит тебе подойти к человеку в пограничном состоянии, между жизнью и смертью, и тут же весы перетягиваются ко второму варианту. Ты отняла жизнь у этой девочки раньше положенного времени, но я постараюсь замять этот случай, а ты держись подальше от пострадавших и от больниц тоже. А то я не буду справляться с работой!

А теперь мне пора. Души зовут.

И незнакомка исчезла, а я осталась сидеть на лавочке, боясь пошевелиться.

Через десять минут в дом напротив подъехала «скорая» и из подъезда вынесли носилки, целиком покрытые простынёй.

Глава вторая

Кто ты, Варенька?

Сколько я просидела на лавочке, сложно сказать, но когда уроки кончились и дети побежали домой, я всё сидела, как замороженная.

– Кто я?

Наверное, родители знали ответы на все мои вопросы, но домой не хотелось. В сердце нарастала обида на них. За себя, за эту маленькую девочку. Она могла бы жить, но благодаря мне отправилась на небеса, и теперь её мама и папа глотают безутешные слёзы.

Наступила ночь... Фонари зажглись все одновременно, осветив мрак и сделав его пригодным для жизни.

Я уже решила, что домой не вернусь, пока не восполню все ускользнувшие от меня знания. Сложно было себе представить, что можно так запросто прийти домой, поужинать и лечь спать в уютную кровать, когда в другой семье такое горе. И это – моя вина!

Тогда я не задавалась вопросом, как будут страдать мои родители, потеряв единственное дитя. Я была маленькая и злая. И эта злость росла.

Я укутала себя непроницаемым панцирем из гнева, и, когда мой отец вышел из дома, чтобы найти любимую дочь, он не почувствовал моего присутствия, а ведь я была в двух шагах от него.

Когда ночь окончательно накрыла город, и все окна домов погрузились во тьму, я встала со скамейки и пошла по улице, путая свои следы, меняя направления, улицы и перекрёстки, уводя своё тело как можно дальше от родного дома.

Ещё не настало время для зова крови, время, когда дом проявит своё предназначение и призовет меня к себе.

Утро застало меня врасплох. Я пыталась прятаться за сумрак, но тут первые весенние лучи солнца ворвались в город и спугнули мою уверенность в своей правоте.

Я вспомнила слова незнакомки: «Не подходи к пострадавшим и к больницам». И тут я решила поступить противоположно её просьбе и направилась в больницу на окраине города.

Ранним утром дверь не охранялась, и, надев халат, оставленный на вешалке для новой смены, я прошла по коридору и поднялась на хирургический этаж.

В моей голове созрел план. Я решила помогать тем, кто не способен жить дальше, чьё тело изношено или повреждено настолько, что жизнь доставляет только боль, и мечта этих людей – смерть, ведь только она может избавить их от нестерпимых мук.

В каждой больнице есть такие. И я отправилась на их поиски...

В первой же палате я нашла человека, всего в бинтах. Он лежал совсем один, хоть и были свободные места... Врачебная записка, прикрепленная к его кровати, говорила о том, что восемьдесят процентов кожи обожжено и он находится в коме.

Из парня по имени Олег, 25 лет от роду, торчало множество трубочек, но это не помешало врачам забинтовать его лицо целиком, и в этих бинтах были прорезаны дырочки для этих самых трубок. Я подошла к кровати и положила свою руку на его лоб, и аппарат, контролирующий сердце, громко запищал, зовя на помощь персонал больницы. Но они не спешили. Может, им помешал утренний сон, а может, пациент был настолько безнадежен, что повода шевелиться не было.

Когда они явились, сладко зевая, то просто констатировали смерть и ушли, а сердобольная медсестра, что накрывала покойного простыней, жалостливо процедила: «Отмучился, сердешный!»

Как ни странно, но на меня никто не обратил внимания, словно меня не было в палате. Но тогда мне было не до этого...

Я ждала столп света, чтобы он забрал душу погибшего, но его не было, и я уже хотела уходить, думая, что чего-то явно не понимаю и лучше вернуться домой и получить пояснение, как за своей спиной я услышала голос:

– Меня зовут Олег! А вас, милая барышня?

Позади меня стоял молодой парень, изящно одетый, словно сошедший с картинок модного журнала. Волосы были уложены и залачены, а ироничная улыбка скользила по моей фигуре. Он смел оценивать меня самым беспардонным образом. Но я решила не грубить, боясь, что он вызовет охрану и меня выгонят из больницы.

– Меня зовут Варя, а вы – доктор?

– Я – доктор? Да что ты, детка, разве я похож на доктора?

– Да нет, не очень. А кто же вы?

– Он!

И юноша показал на закрытое простынёй бездыханное тело.

– Но он мёртв!

– И я мёртв. Давно мечтал об этом. Не было больше сил терпеть такую муку. А ты тоже мертва?

– С чего вы решили?

– Ты видишь меня, а я тебя, значит мы оба – мертвы. А как иначе?

– Вы ошибаетесь, Олег, я живая! И сердце бьётся, и пульс.

Я проверила свой пульс и приложила ладонь к груди, чтобы удостовериться, что сердце всё ещё – пламенный мотор.

И оно билось! Я была живой, без всякого сомнения.

Тогда я попыталась взять за руку Олега, но моя ладонь проскользнула в пустоту. Тот посмотрел на меня в недоумении...

– А ты не знаешь, Варенька, когда за мной придут? Хотелось бы попасть на небо и увидеть родителей и Машу. Я раньше не понимал, как сильно люблю её.

– Я не знаю, почему вас не встретили. В прошлый раз, когда я забрала жизнь ребёнка, открылся туннель света и втянул её. А в этот раз такого не случилось. Если честно, я сама ждала, что вас заберут...

– Нужно ещё подождать!

Я кивнула головой в знак согласия и села на стул, а Призрак уселся на своё тело и с непривычки провалился до пола.

Так мы просидели до обеда, пока не пришли санитары и не забрали труп в морг, словно и они ждали чего-то...

Я спряталась за штору, но мои опасения были напрасны, меня никто не заметил.

Я устала и очень хотела есть, моя уверенность резко снизилась. Хотелось домой, под родительское крылышко, к запаху вкусного обеда. Но Призрак смотрел на меня пристально, словно читал мысли.

– Не оставляй меня! Что мне делать одному, ведь меня никто кроме тебя не видит и не слышит.

Мы вышли из палаты и двинулись по коридору к запасному выходу, и тут я увидела свою знакомую костлявую дылду в капюшоне. Она выходила из палаты прямо через закрытую дверь.

Я бросилась к ней, но она обернулась, посмотрела на меня с гневом и исчезла, а из палаты вывезли покойника. Край простыни зацепился за дверь, и она съехала, раскрыв тело. Это была невероятно красивая девушка. Её светлые волосы свисали длинной косой до самого пола, что уже было редкостью. Лицо её слегка светилось, а на губах застыла улыбка. Тонкие руки лежали на груди крестом, словно она была готова к смерти ещё до её прихода.

– Стоп! – сказала я. – Смерть! Эта странная женщина – Смерть! Нам нужно её найти, срочно!

Но Олег не обращал на меня никакого внимания, он подошёл к девушке и поцеловал её в губы, словно принц из сказки, в надежде на её возвращение к жизни. Но это было невозможно. На виске умершей была большая подсохшая рана, с которой уже сняли бинты, видимо за ненадобностью.

– Машенька, девочка моя, – шептал он. – Я уже и не надеялся встретить тебя на этой земле. Я уже давно похоронил тебя, любовь моя, а ты здесь, в двух шагах от меня. Душа моя, отзовись!

– Олег, она умерла и не может ответить тебе.

– И что с того? Я тоже мёртв, но при этом мы чудно болтали. Что мешает Маше поговорить с тобой, отделиться от своего мёртвого тела и присоединиться ко мне?

– Олег, она ушла на небо, в тоннель света. Ты видел ту высокую даму в чёрных одеждах?

– Да!

– Это Смерть приходила за ней и забрала её на небо.

– А почему я ещё здесь?

– Это я виновата, прости. Мне казалось, что ты страдаешь и мечтаешь умереть, вот я и взяла на себя чужие обязанности. Я не умею открывать такой тоннель. Нам нужно найти Смерть, и я попрошу у неё помощи...

Мы бродили до самой ночи по больнице, по всем этажам, но в этот день больше никто не умер.

Олег совсем сник и, наверное, пустил бы слезу, но Призраки не могут плакать.

И когда уже совсем стемнело, какой-то санитар вытолкнул меня на улицу, сообщив, что посещение больных закончено. А Призрак вылетел следом.

Обойдя больницу, мы нашли въезд для «скорых». Здесь и остались.

Машины подъезжали одна за другой, но моей знакомой не было, и вот когда я уже почти закрыла глаза, подъехала машина, но из неё никто не вышел. Напротив, из больницы выбежали врачи и направились напрямик к распахнутым дверцам «скорой», и вот тут-то появилась Госпожа Смерть и застыла неподалёку, ожидая развязки. Я подбежала к ней и хотела схватить за рукав балахона, но она отстранила мою руку ледяным взглядом и процедила сквозь зубы:

– Рано тебе ещё меня трогать!

– Пожалуйста, помоги ему, он же не виноват, что я такая дура!

– Рада, что ты осознала это, но поздновато...

– Но почему? Ведь ты можешь ему помочь? Там, на небе, его девушка, они тоскуют друг без друга.

Смерть посмотрела на бедного Призрака, ставшего почти прозрачным от горя, и жалась.

– Последний раз помогаю тебе, глупая девчонка. Давай заключим договор, я помогу парню воссоединиться с любимой, а ты отправишься домой и попросишь отца ввести тебя в курс дела и отдать книгу.

– Книгу? А что в ней?

– Вот прочтёшь и узнаешь, мисс Почемучка, а сейчас прощайся с ним!

И она кивнула в сторону Олега.

Я подошла к нему и рассказала о том, что Смерть согласилась помочь ему. Тот засиял от радости и вновь стал непрозрачным и даже засветился весь.

В «скорой» умер старичок, и Смерть, взмахнув рукой, указала ему путь на небо, а вслед за ним подтолкнула Олега. И тот исчез мгновенно, так ему не терпелось...

Когда дело было сделано, Смерть пригласила меня посидеть на лавочке и поговорить.

– Если честно, я рада, что ты избавилась от этого Олега, ещё тот тип. Если бы он не понял, что такое любовь, его бы следовало отправить в преисподнюю. Так что твой шаг доброй воли был как нельзя кстати. Девушка Маша погибла по его вине. Он напился до беспамятства и бросил окурок на ковёр. Квартира вспыхнула, а вместе с ней и Маша, и он сам. Она проснулась и выбежала в коридор, поэтому не обгорела так сильно, только ноги. Там она потеряла сознание и упала, ударившись о край тумбочки. От этого и умерла. Он тебе этого не рассказывал?

– Нет. Я думала, может, автомобильная катастрофа.

– Катастрофа, да только не автомобильная, а моральная. И сам погиб, и девушку жизни лишил, вот стоит теперь перед Ангелами вопрошателями и краснеет от стыда за свою короткую и бездельную жизнь.

– Простят?

– Простят. Маша за него просить будет.

Ну, хватит о других думать! Пора тебе домой, Варенька. Отец с матерью тазик слёз выплакали и ведро валерьянки выпили.

Моя новая знакомая исчезла, а на её месте появился Ник, мой отец, и обнял за плечи, пытаюсь согреть или показать, как он скучал без меня и как волновался.

Глава третья

Вспомнить прошлое...

Мы оказались дома так быстро, что я не успела его обнять в ответ и попросить прощения, и сделала это лишь на крыльце.

Выбежала заплаканная мама и стала целовать и обнимать меня с таким усердием, что я чуть не задохнулась.

За меня вступился папа:

– Соня, дорогая, не задуши девочку. С ней всё в порядке. Покурлесила немного и одумалась. Спасибо, Госпожа Смерть вмешалась!

Дома меня ждал праздничный торт, и прежде чем начать разговор, мы плотно поели этого кулинарного шедевра.

После чаепития отец сходил в свой кабинет и принёс оттуда нечто прямоугольное, завернутое в старое выцветшее сукно и даже слегка обгорелое. Он поставил неизвестный предмет на обеденный стол и достал из кармана крошечный свёрток и положил его рядом.

– Вот, дочка, то, что мы должны были тебе отдать ещё вчера. Мама твердила мне, что ещё рано и ты не готова, но в связи с последними событиями она согласилась со мной полностью – время пришло!

– Но что здесь?

– Под этой старой тряпицей – сундук, а в нём вся твоя жизнь! Когда ты всё прочтёшь, вопросов у тебя не останется, а теперь возьми ключ и открой сундук.

Я развернула тряпочку и нашла там крошечный ключик, весь покрытый ворсинками – иголками, которые больно кололи пальцы. Он, несомненно, был из золота и по виду напоминал стрелу с острым наконечником и звездой на конце, которая, кажется, засветилась, стоило мне взять в руки это колючее сокровище.

Отец помог мне освободить от ткани старинный сундучок, изрядно обшарпанный, но всё ещё крепкий. Он был усыпан резьбой хаотично расположенных букв неизвестного мне языка.

Пока я разглядывала его, мои пальцы кровили, и несколько капель упали на сундук. Буквы словно взбесились, забегали по сундуку и выстроились в уже понятную фразу.

Люби Жизнь, но уважай Смерть!

Прочитав её, я заметила, что крошечные иголки на ключе исчезли, и я вставила его в отверстие на сундуке. И он открылся.

Конечно, как юное и наивное создание я ожидала найти там настоящий клад, золото и бриллианты, но к моему величайшему огорчению под крышкой лежали запylённые и пожелтевшие документы и толстая тетрадь в твёрдом кожаном переплётe с золотым тиснением на крышке, похожим на крылья Ангела.

С этого момента я уже была не я, а нечто иное и бесконечное. Некая сущность, блуждающая по миру в поиске Неупокоенных душ, дабы дать им второй шанс к возвращению домой – на небо, где ждали их родные и близкие.

Всю ночь и ещё целый день я читала записи о своих прошлых жизнях, о победах и поражениях над силами тьмы. Последняя запись прошлой жизни была самой объёмной и описывала страшные подробности смерти тех душ, которые я приютила в доме до дня моей кончины.

Но дома больше не было. Я была хранительницей пепелища, в двухстах километрах от Москвы.

Наступила пора обсудить это со своими родителями, хотя в прошлой жизни моя мама Соня была моей приёмной дочерью, а отец Ник – другом и соратником. А настоящими родителями были Ангелы – Мария и Алекс, которые не спускались с неба более трёхсот лет.

Хаос и путаница – вот всё, что было в моей голове...

Дети, родители, подруга Смерть, бесконечная вереница Призраков и каждый со своей историей.

Как принять всё это, поверить, и самое страшное, как жить дальше? Кто я теперь?

Родители нерешительно молчали. Из их дочери я превратилась в хозяйку «Отеля для Призраков». Я словно повзрослела на триста лет, и краски жизни слегка погасли.

Ник вступил в разговор первым, видя, как я запуталась в собственных мыслях.

– Всё не так страшно, Варенька. Это твоя судьба, твоё предназначение. Помню, в прошлой жизни ты тоже ерепенилась, но потом поняла, что иначе жить не сможешь. Помощь и сострадание – их нельзя спрятать в сундук и выбросить за борт. Единственное, что беспокоит меня на самом деле, так это сгоревший Отель. Когда та Варя умерла, дом стал рушиться и терять силу. Ты была слишком мала, чтобы защитить его, и тёмные силы попыталась уничтожить нас. Хотя бы на время отдалив этим твой приход на землю. Если бы беременная Соня погибла тогда, кто знает, когда бы случилась твоя следующая реинкарнация, а пока они бы творили свои гадкие делишки без оглядки на помеху с твоей стороны.

Соня, молчавшая до этого, тихо сказала:

– Теперь этот дом будет Отелем!

– Как ты это узнала, мама?

– Я чувствую! Он меняется. Он и так был почти живым, а сегодня утром он сам приготовил завтрак и пропылесосил ковры... Словно, я больше не нужна! И комнаты увеличились. Разве вы не заметили?

Я пробежалась по дому, и с первого же шага по лестнице поняла, что мама Соня права.

Думаю, настало время рассказать о новом «Отеле для Призраков 2», правда, пока без жильцов.

Дом никогда не отличался постоянством, словно он вслушивался в эмоции своих жильцов и старался им помочь.

Это я поняла, когда мне было пять лет. Я опрокинула стакан с какао на свою любимую книжку со сказками и горько заплакала, но тут на потолке появилась та самая картинка со Спящей Красавицей, которая была повреждена больше всех. Пока я разглядывала потолок, книга высохла и пятен от какао почти не осталось. Потом я наелась мороженого и простудилась, а дом веселил меня разноцветными светлячками, танцующими под потолком. Родителям я ничего не рассказывала, но дом стал моим самым верным и, пожалуй, единственным другом после мамы и папы.

Сказочный мир моих фантазий оживал, когда моё сердце истинно этого желало.

Никто и никогда не приходил к нам в гости. Никто не писал писем и не присылал телеграмм. Дом был надёжно спрятан между 3 и 4 домами в переулке Вечности.

Узкая калитка, почти неприметная, и тропинка между двумя домами приводили в широкий двор, засаженный изящными деревьями и цветущими кустарниками. Время года в этом месте менялось очень редко. Вечное лето иногда впускало дожди, чтобы насытить влагой этот волшебный уголок земли, окружённый гудящим, дымящимся мегаполисом, как оазис в пустыне.

Иногда перемены наблюдались в Новый год и в Рождество, когда с неба медленно падал мягкий снег, и каждая снежинка была размером с копейку. Такая большая, чтобы маленькая Варя могла разглядеть всю красоту и совершенство небесных служб по производству снежинок. «Ручная работа», – смеялся отец.

Спустя пару дней снег таял и наступала весна, которая длилась пару недель, плавно переходя в лето.

Сам дом был увит виноградом, причем не девичьим, а самым настоящим, с аппетитными фиолетовыми гроздьями с лёгким восковым налётом, который было так приятно стирать пальцами, прежде чем засовывать в рот ароматную ягоду.

В доме было два этажа, но, по мере того как я росла, появился третий этаж, словно стены подрастали ввысь вместе со мной. Так и появилось крошечное круглое оконце, что-то вроде мансарды. Виноград быстро добрался и до него, и дом погрузился в зелёное покрывало с яркими фиолетово-синими пятнами.

Оконца в доме были небольшими, но настоящим шедевром творчества неизвестного художника. Вместо прозрачных стёкол окна были из изразцов, стеклянных кусочков, сложенных в яркий рисунок. И в каждом окне – своя отдельная история.

На первом этаже в одном из окошек весёлый пастушок играл на своей свирели для кудрявых овечек и пятнистых коров с венками из васильков и ромашек, надетых на маленькие рожки, а в другом окне – та самая красавица с русой косой, что плела те самые венки. Она смущённо поглядывала на пастушка, а у её ног беззаботно играли зайцы, лисы, волки, косули и забавные бурундучата. И никто из них не знал страха. Все были веселы и счастливы. На втором этаже были собраны картинки из русских народных сказок. Иван-Царевич сражался с трёхглавым драконом, русалка заманивала в свой омут Ясного Сокола, и тот послушно шёл на зов её волшебной песни, бросив меч и доспехи.

Не дом, а лоскутное одеяло с множеством разноцветных заплаток. Так называла его мама, но это лишь снаружи; поднявшись по мраморным ступенькам, всё резко менялось...

Внутри наш дом напоминал музей по пышности убранства. Мраморные колонны поддерживали лестницу и балкон второго этажа. Лестница была из хрусталя, с золочёными витыми перилами. На вид она казалась слишком хрупкой, но это было иллюзией, я бегала по ней по сто раз в день, роняла тяжёлые предметы, они падали, но ни разу не откололи ни кусочка.

На втором этаже было множество комнат, но лишь двухстворчатая гигантская дверь папиного кабинета, украшенная декоративной резьбой, привлекала моё внимание.

Искусному мастеру удалось вырезать на ней сказочные деревья с изящно изогнутыми ветками, на которых сидели диковинные птицы с распущенными хвостами. И каждое перышко было отлично от другого, словно ветер теребил их волоски. На голове у птиц было по короне, а в свободной лапе по яблоку. Вместо листвы дерево украшали крошечные колокольчики, а основание ствола было увито колючими лианами, и они охотились на птиц, выпуская тонкие поросли, напоминающие змей.

Когда я вбегала в эту комнату, колокольчики играли мелодии и всегда разные, в соответствии с моим настроением.

Письменный стол был похож на дверь, с ножками как корни деревьев, и кресло, с витыми узорами. У изголовья была вырезана лилия, символ королевской власти, что делало кресло похожим на трон. Я садилась в него и представляла, что я – Великая Королева и все должны мне подчиняться.

Забегая немного вперёд, скажу, что через месяц после моего шестнадцатого дня рождения дом полностью нарастил третий этаж, и появилось множество новых комнат, двери которых пока были закрыты.

Но этому предшествовало одно страшное событие, которое хотелось бы вычеркнуть из памяти, но чем дольше я живу, тем чаще и чаще вижу страшную картину смерти моего самого дорогого человека.

Глава четвёртая

Та смерть, что страшнее смерти...

Мне не спалось... Уже неделю я думала о прошлых своих жизнях, проживая их заново, словно искала какую-то разгадку или подсказку, как мне жить дальше. Предыдущая Варя стала управляющей Отеля почти в тридцать лет и не принимала в свой приют детей и подростков. Но мне всего неделю назад исполнилось шестнадцать, а я уже в теме. Всё меняется! И правила, и порядки, и я сама...

В приоткрытое окно пробивался лунный свет, но теперь он был фиолетового цвета и, пробегая через мою кровать, вёл прямо к двери. Я встала и вышла на улицу.

Луна по-прежнему висела в небе, но была слишком бледной, а свет исходил от фонаря, неизвестно откуда появившегося у нашей калитки. Часть фиолетового круга выходила за пределы двора, в переулок, а всё остальное накрывало светящимся куполом наш дом. Я вытянула руку вверх и прикоснулась к чему-то... Это было похоже на тончайшую ткань, сквозь которую виднелись слегка расплывчатые звёзды.

Обратившись к отцу, я получила разъяснение. Он открыл мне мою же тайну. Я уже читала о ней в Летописи, но не обратила внимание. Молодость иногда становится помехой к пониманию сути.

Эту защиту я придумала в свою первую жизнь, конечно, не без помощи моих настоящих родителей, Ангелов. Ею я защитила старенький заброшенный домик на окраине деревни, где и был первый «Отель для Призраков».

Дом изменялся из века в век, но места своего не менял, защищаясь даже в моё отсутствие от назойливых любопытных людишек и всякой тёмной нечисти.

Но теперь того дома больше нет. Враги воспользовались тем, что я была слаба в чреве своей матери и защитное заклинание было уничтожено. Демоны и раньше делали попытки нейтрализации моей защиты, но шестнадцать лет назад им это удалось, чуть не погубив нас всех. Мы вовремя перенеслись в Москву, а затем поселились в доме Акулины Фёдоровны и Егора Каземировича Вяземских. Он остался в наследство мне – в прошлой жизни, и моей маме – в нынешней.

То, что дом был защищён, слегка успокаивало моего папу. Он даже заулыбался, когда узнал об этом, но мама вела себя иначе. Она ушла в свою комнату и долго надрывно плакала. Я слышала, как она говорила отцу, что механизм запущен, а это – начало конца. Отец утешал её, что это – моя судьба, а они с ней лишь винтики в огромной машине мироздания, но она всё плакала и плакала.

Такой я и запомнила её, с влажными глазами и платочком в руке.

В тот день в калитку позвонили впервые.

Отец установил там звонок. В эту дверь нельзя было постучать, как в старом доме.

Мама первая услышала его и побежала открывать, хотя прекрасно знала, что ночные посетители – моя епархия.

Мы побежали за ней, но не успели добежать до конца тропинки между домами, как услышали душераздирающий крик.

Там, где свет фонаря уже не касался асфальта, лежала мама Соня. Её глаза были широко распахнутыми и стеклянными, и в них отражалось звёздное небо.

Отец подбежал к ней и тут же остановил меня...

– Не подходи, Варенька! Тебе не нужно на это смотреть!

Он перетащил тело под свет фонаря и стал целовать её волосы, руки, лицо и шептал как молитву: «Прости, любимая! Прости, любимая!»

Появилась моя старая знакомая Смерть, и лишь тогда я решилась подойти к маме.

Подол её белоснежной сорочки был фиолетового цвета, но на самом деле красным от крови. Грудь была разодрана и вывернута, рёбра торчали наружу, а сердце отсутствовало.

– Плохой знак, вырванное сердце! – сказала Смерть. – И души нет!

– Как нет души? – недоумённо спросил отец, перестав плакать от этой страшной новости.

– Так и нет! Её забрали сразу, вместе с сердцем. Есть древнее заклятье. Забрав сердце праведника, можно запечатать в нём и его душу, и тем самым спрятать её от Ангелов Смерти.

– А как можно вернуть его?

– Пока не знаю, Варенька. Тут думать нужно. Вы тело сберегите в холодном месте, а я полечу, разузнаю...

Она исчезла, а мы перенесли тело мамы в подвал и положили на холодные плиты. Папа закрыл глаза своей любимой, а затем зажмурился и вернул её грудную клетку в обычное состояние. Осталась чёрная прорезь в районе сердца и следы на груди и шее от когтей неизвестного животного.

Мы обмыли тело и нарядили маму в красивое платье, туфельки, покрыли белую косынку на её непослушные волосы и накрыли простынёй, но... Не посмели с головой. Прикрыли лишь по грудь, сложили руки крестом и помолились.

Она лежала как живая, и в нас теплилась слабая надежда на то, что нам удастся вернуть её сердце. Но...

Что могли сделать два человека, убитые горем, если даже Смерть не знала, что делать?

На следующий день на планете Земля никто не умер!!!

Не было автомобильных аварий, крушений поездов и самолётов. Ни один пешеход не погиб, перебегая дорогу. Старики и смертельно больные, ждущие смерть с нетерпением, не дождались её в тот день. Все недоношенные дети чудом зацепились за жизнь, даже в самых невероятных случаях.

Вечно воюющий восток на день заключил перемирие, дивясь своему неожиданному поступку. Талибы и террористы сложили оружие и целый день провели в молитвах.

А виной всему происходящему была Госпожа Смерть, которая ушла в преисподнюю, требуя соблюдения конвенции о неприкосновении к невинным душам.

В следующую ночь она вернулась в наш дворик и села на лавочку возле дома. Виноград скукожился и завял, упав с крыши прямо на неё. Она скинула с себя длинные плети и печально вздохнула.

Мы с отцом сели напротив и стали ждать.

– Не узнала я ничего... Плохо дело! Даже меня, ироды, не боятся! Что-то меняется...

Она повторила мои слова, точь-в-точь. Эта жизнь была иной, без правил и договорённостей. Каждая из сторон могла делать что пожелает. Подписанные ранее конвенции больше не были приняты во внимание тёмной стороной, а значит, и я могла поступать по своему усмотрению.

Жизнь за жизнь, кровь за кровь! Это начало новой битвы, долгой и беспощадной.

Смерть посмотрела на меня и удалилась по своим делам, но в моей голове звучала, как молот, её последняя фраза: «Найди сердце!»

– Нужно сберечь тело мамы! – сказала я отцу, и мы направились в подвал.

Но дом уже позаботился обо всём.

В подвале стало очень холодно, как в морозильной камере. Мама лежала на хрустальном столе, а не на полу, как мы её оставили.

Раны на её теле затянулись, а кости срослись. Волосы покрылись инеем, словно она поседела, и её кожа стала как у фарфоровой куклы. Страшно было прикоснуться, а вдруг она рассыплется на миллиард осколков, и тогда мы не сможем собрать её вновь.

Могильную тишину разбила трель звонка в калитке, и я побежала открывать.

На соседней стороне улицы стоял человек в сером костюме, с серым лицом и серыми волосами, словно его посыпали пеплом с ног до головы. Под глазами были огромные синяки, лицо было измождено, а он сутулил плечи так сильно, словно на него повесили колодки, и руки, согнутые в локтях, были похожи на куриные крылышки.

Я поманила его на свою сторону и он сделал шаг, но как только свет фонаря коснулся его макушки, гость вздрогнул и рассыпался грудой пепла. При этом он так кричал, словно его жарили живьем, хотя по всему было понятно, что он – Призрак.

Каждую ночь повторялось одно и то же.

Никто из Призраков не прошёл дальше начерченной мной линии. Все превращались в пепел.

Моментально налетал ветер и развеивал его над городом. Среди несчастных были мужчины, женщины и даже девочка лет двенадцати, что довело меня до слёз, и отец едва смог утешить меня, объяснив, что они на небе. Но голос его звучал недостаточно убедительно. Похоже, он не знал этого наверняка.

И тогда на семейном совете из двух человек мы решили, что пора вернуться на место старого Отеля, и возможно там мы найдём разгадку происходящего.

Я даже стала сомневаться в том, что в действительности я – та самая Варя.

И всё же дом подготовил комнаты для гостей, фонарь вырос практически из-под земли. Смерть навевалась в гости, как завсегдатай, для обычных людей это означало – смерть, а для нас с отцом было всё, как с гуся вода. Но что-то мы упустили в этой цепочке...

Глава пятая Из пепла...

Ночь не слишком подходящее время для поисков, и фонарь у калитки был разбит, а столб изрядно покосился.

Забор старого дома сторел дотла, это было первое кольцо обороны дома. Затем шёл сад... Он превратился в пустошь, трава выгорела вместе с корнями, и лишь старая рябина у калитки торчала чёрным остовом на фоне пустоши.

Как я любила это дерево в прошлой жизни! Оно давало мне силы и защищало своей тенью. Я подошла и провела рукой по закопчённому стволу и почувствовала, как под ладонью что-то бьётся, трепещет как живое.

– Папа, это дерево живое!

– Очень странно! Пойдём, посмотрим то, что осталось от дома.

Груда обгорелых досок, часть которых лежала в стороне, это отец искал сундук и ключ, чтобы передать мне. Но на этом его поиски прервались, так как он почувствовал недоброе и поспешил переместиться в Москву. Теперь нас было двое, и я была гораздо сильнее, чем им казалось. Тем, кто так мечтал уничтожить меня.

Отец светил фонариком, а я переворачивала доски, пытаюсь найти то, что поможет мне...

Мы ковырялись всю ночь, но кроме закопчённой посуды ничего не нашли. Пора было возвращаться.

Перед калиткой я стряхнула с себя пепелище старого Отеля и пошла спать, а на следующую ночь наш новый городской Отель принял первого посетителя.

Звонок в калитку разбудил меня, но я была рада проснуться, мне снился кошмар... Про маму!

Открыв калитку, я столкнулась с Призраком, и, пройдя сквозь меня, он оказался во дворе дома. Посмотрев на освещенный асфальт, я увидела дорожку из пепла, словно мост, или тропинку безопасности для Призраков, ищущих приют.

Видимо, место вокруг моего дома было проклято, и Призраки гибли, лишь ступив на эту дорогу, но пепел Отеля для Призраков защищал их от демонов. Следующей ночью мы вновь побывали на пепелище и пополнили запас пепельного оберега.

А теперь про первого моего спасённого Призрака, с которым я заключила контракт.

Мужчина лет пятидесяти был плечист и изящно одет. Всё в его облике говорило о достатке и правильном воспитании, но не настолько, чтобы стать ханжой и кичиться перед другими.

Волосы были гладко зачёсаны, а глаза горели, словно он был жив и не имел к Призракам никакого отношения. И лишь одна небольшая деталь: простреленная грудь и окрашенная в алый цвет белоснежная рубашка говорили о том, что господин всё же мёртв.

Он изящно поклонился мне, приложив ладонь к груди, и звонко щёлкнул каблуками о дорожку.

– Позвольте представиться, мадмуазель, Савва Тимофеевич Морозов. Прошу любить и жаловать!

– Варенька Зорина, хозяйка Отеля. Милости просим.

– Вот и познакомились! Рад! Очень рад! Второй век маюсь. Видел, как тут Призраки гибли. Вам-то с этой стороны не видно, а из моего окна я наблюдал, как асфальт под ними плавился. Так и не успевали они в свет фонаря попасть. Погибали, сердешные.

И вот, не далее как сегодня, вижу, как вы возвратились с вашим батюшкой и просыпали на дорогу пепел. И, о чудо, асфальт под пеплом почернел, и дорожка спасительная образо-

валась. И я решил рискнуть, а когда вышло, клич кинул для других Призраков, что проход есть. Хвала милости Божьей и Ангелам-хранителям.

– И давно ли вы за нашим домом наблюдаете, уважаемый Савва Тимофеевич?

– С неделю.

– Значит, видели, как и кто маменьку мою убил?

– Видел я, да только рассмотреть не успел. Быстро всё случилось. Из земли чудище выскочило, разодрало ей грудь и вниз ушло. Сильный демон, но тупой... Ах, простите, так не говорят при дамах! Глуповат он, сударыня, как пробка.

– Почему вы так решили?

– А тут и решать нечего... Уронил он кое-что и не заметил. За такой промах ему головы не сносить. Хозяин его на части порвёт, если узнает... Хотя, узнает! Всевидящий он!

– Кто, он-то?

– Люцифер, Дьявол, Аид... Много у него имён, да суть одна. У всего сущего есть две половины. Не было бы добра, и зла бы не случилось.

– Так что он уронил?

Мужчина порылся в карманах и протянул мне серебряную монету с дырочкой по центру.

– Вот, возьмите, Варенька, думаю, за это много душ выкупить можно или одно сердце.

– А что это?

– Как что? Удивляете... Это один из тридцати серебряников, за которые Иуда Христа продал. Хранятся они у хозяина подземного царства, и даёт он их под расписку только тем демонам из высшей иерархии, кому выход на поверхность нужен. Они силу дают и защиту от Ангелов. С такой монетой полмира погубить можно, а демон за вашей маменькой приходил. Выходит, что вы для них, госпожа Варвара Николаевна, важнее целого мира.

– А за что тот демон наказан будет?

– Не наказан, а убит поди уже... Если хоть одна монета из коллекции тридцати серебряников потеряется, хозяин из преисподней на землю выйти не сможет. Хоть кричи, хоть пламенем жги, а замурован он нынче. Торгуйтесь, Варвара Николаевна! У вас в руках бесспорный козырь. Может, и удастся вашу маму спасти.

– Спасибо вам, сударь, за помощь.

– Так я же не просто так, я за приют плату принёс. Примете?

– Приму! Дайте вашу руку и повторяйте за мной.

Принимаю мир призраков и мир живых как единое целое.

Принимаю телесное и не телесное, как равное друг другу.

Человеческое тело отпускаю, а душу сохраняю,

И хозяйке этого дома свою душу вверяю.

Пока не пробьёт её час, клянусь не нарушать данную мною клятву, во веки веков.

А как пробьёт, следовать за ней без страха и сомнений.

Аминь!

Мы взялись за руки, Призрак прочитал клятву и вмиг преобразился, словно с помутневшего запялённого экрана пыль стёрли.

Пятно кровавое на рубашке пропало, и дырка затянулась. Перед нами стоял очень красивый мужчина в тёмно-синем костюме с вишнёвым платком в кармашке, а глаза такие сияющие, как звёзды на весеннем небе, бездомные и добрые.

Завтракали мы втроём. Призрак, конечно, ничего не ел, но старательно делал вид. Уж очень соскучился он по чаепитию и светской беседе с приличными людьми.

Отец стал задавать Савве Тимофеевичу разные вопросы, а тот с радостью на них отвечал. Соскучился он без общения за пару веков.

Нашим первым постояльцем был человек легендарный и целеустремлённый. Обычно такие в Призраки не попадают, сразу на небо уходят, и за свои добрые дела принимают их там с почестями, но тут Савву Тимофеевича подвела тяга к справедливости. Не мог он допустить, чтобы его честное имя в грязи изваляли...

Умер он 26 мая 1905 года в Каннах, но прах его перенесли в Москву на старообрядческое Рогожское кладбище, да только и тогда душа его не нашла покоя. Всё искала убийц своих.

Немало людей зуб держали на Савву Морозова, разве найдёшь? Годы шли, а он всё маялся. Вдова его, жена любимая, Зинаида Григорьевна, замуж вышла уже в третий раз. Савва отхлебывал чай из блюдца и с нежностью называл её – «моя резвая козочка».

Революция случилась, за ней погромы, разорение, голод...

За всем этим наблюдать было больно даже мёртвому сердцу, и притих Призрак, спрятавшись в семейном склепе на костях предков и тихо плакал. Но колесо истории вращалось, да и скучно было в сыром подземелье. Стал Савва по Москве бродить, людей рассматривать, изучать, а в последние годы в этот дом перебрался, словно притянуло его сюда магнитом. Сидел у окна и на дом Зориных посматривал, и вознаградилось его терпение этим чаепитием в кругу друзей.

Убийц-то он своих нашёл, да только трогать не стал. Поумнел к тому времени.

Когда Смерть за ними пришла, то не открылся портал света, а вылезли из-под земли длинные когтистые лапы и забрали их. Так и поквитались.

Савва занял в нашем доме самую большую и светлую комнату. Он это заслужил!

Большее время он ходил за отцом и старался ему помочь, чем мог, и почти на каждый вопрос знал правильный ответ.

Отцу это нравилось. Мысли о матери временами не давали ему дышать, а Саввушка, так мы ласково стали называть нашего первого постояльца, отвлекал его очень деликатно, втягивая в беседы и легкие споры.

Глава шестая

Отель начинает работу

Каждый день мы разбрасывали пепел от одного края дорожки до другого, чтобы обеспечить Призракам безопасный переход к Отелю.

Сгоревший Отель из прошлой моей жизни полностью перекочевал на чердак нашего нового дома, где отец сколотил под него несколько деревянных ящиков. На чердаке было тепло и сухо, и ценное сырьё оставалось в нужной форме для каждодневного распыления.

Защитная магия основательно въелась в деревянные доски старого дома, словно спряталась в них, и демоны были слишком слабы, чтобы уничтожить её.

Мама по-прежнему лежала в подвале и казалась живой, и даже, если долго смотреть на неё, создавалась иллюзия, что она тихонечко дышит.

Я не знала, у кого мне спросить совета или попросить помощи. Единственная моя знакомая – Смерть – не приходила по первому зову, её нужно было встретить там, где кто-то умер. Но я очень хорошо запомнила её слова, что мне нельзя подходить к только что умершим.

И всё же я решилась...

С самого утра я оделась понеприметней и пошла в ближайшую больницу. Не заходя в калитку, встала за старым клёном и стала ждать...

В этот день никто не умер, и слава Богу, но и следующий день я стояла впустую, и лишь в среду, к самой ночи, подъехала «скорая», и, когда вывезли каталку, я поняла, что Смерть где-то рядом.

Тело было накрыто с головой, а врач сматывал провода от аппарата электрической дефибрилляции сердца.

Та, кого я ждала, стояла у меня за спиной.

– Что, Варюша, советов старших не слушаем?

– Прости, пожалуйста, но я тебя звала, а ты не приходила.

– Глупая девчонка, кто же зовёт Смерть раньше времени?

– Но мне нужно спросить...

– Потом, всё потом!

И смерть рванулась к каталке и приподняла простынь. Под ней лежало юное прекрасное создание с длинными пепельными волосами. Её ручки соскользнули с тела и повисли почти до земли. И тут длинные тонкие пальцы слегка задрожали, и девушка сделала первый вздох.

– Варя, зови врачей, они меня не услышат. Быстрее, она жива! Только держись от неё подальше.

Я побежала в больницу и позвала врачей. Девушка и вправду оказалась жива, и её немедленно укатали в стены больницы, а я осталась со Смертью наедине.

– Признавайся, что сделала?

– В смысле? Я ничего не делала. Вас ждала. Мне очень нужно поговорить, просто необходимо!

– Я спрашиваю, что ты сделала с девчонкой? Почему она ожила? Что за самостоятельность? Она сегодня точно должна была умереть. Судьба у неё такая, понимаешь?

– Да я клянусь, что ничего не делала. Жду вас на этом месте третий день, тут «скорая» подъехала, я старалась держаться подальше от неё, вот и всё. А она взяла и ожила.

– Так... Давай проведём эксперимент. Пошли за мной.

Смерть перенесла нас в какой-то дом, где на кровати лежала очень бледная женщина и тяжело дышала. Увидев Смерть, она улыбнулась ей и уже хотела вдохнуть свой последний глоток воздуха, но Смерть не смогла забрать её.

Женщина вдохнула глубоко, и её щеки покраснели румянцем, а глаза заблестели жизнью. Она больше не видела Смерть.

В комнату вбежала девушка и, увидев маму в столь похорошевшем виде, радостно всплеснула руками и принялась её целовать и обнимать.

Смерть стояла в сторонке, взявшись за подбородок, и молчала. Она пыталась самостоятельно разобраться в ситуации, но на ум ничего не приходило. И тогда она исчезла, а я была выброшена во двор неизвестного мне района, без денег, телефона и возможности сообщить отцу о моём местонахождении.

– Доигралась! – думала я. Что я могла у неё узнать, когда она сама ничего не знает. Тоже мне – провидица. Фея Смерти!

Я была рассержена не на шутку. Перемещаться в пространстве, как отец, я не могла, и этот город был мне знаком лишь в районе своего дома и близлежащих улиц.

Я теоретически знала о существовании метро, но в нём не была ни разу. И лишь Летописи своей прошлой жизни давали мне хоть какое-то представление об этом виде транспорта, и то негативное. То взрывы, то убийства... Не метро, а поле боя.

Завернув за угол дома, я увидела заветную букву «М».

Стоит попробовать. Я зашла в вестибюль и долго наблюдала, как люди проходят сквозь турникеты, суетятся, толкаются.

Куда ехать, я не знала, денег не было, но я стояла, как заворожённая, наблюдая за людской суетой, за напряжённостью лиц и внутренней ответственностью к тому делу, что ждало их впереди. День только начинался, и упорство его завершить было в каждом.

Как сказала бы Госпожа Смерть – «наивные людишки», но я была не согласна, они не наивные, а сильные и отважные и хотят жить. Просто жить, любить, рожать детей. И я, хозяйка Отеля для Призраков, немного завидовала простоте их бытия.

У стойки с рекламой стоял молодой человек. Я не сразу его заметила, но что-то внутри него приковывало мой взгляд. Растрёпанный, неопрятный, нелепо одетый, и взгляд...

Словно молнии летели на окружающих. И те, на кого он смотрел, переставали улыбаться, спотыкались и вздрагивали. Как будто на них порчу наводили.

Я направилась напрямик к нему и почти взяла его за руку, как неведомая сила выдернула меня из вестибюля метро и швырнула в тот же двор, где и оставила до этого. Госпожа Смерть была встревожена не на шутку.

– Вот скажи мне на милость, девочка, о чём ты всё время думаешь?

– О маме! – не задумываясь, сказала я.

– Вот в чём дело! Вместо того чтобы думать о работе, о бедных Призраках – сиротках, ты думаешь о маме, ты хочешь её воскресить, а воскрешаешь из мёртвых тех, чей жизненный путь окончен, нарушая цикл жизни. Вот что прикажешь с ними делать? Их ждут на небе, а они живее всех живых. И пусть я – Смерть, но убивать людей не входит в мои обязанности, я просто помогаю душам уйти на небо. Девочка моя, ты забыла своё предназначение. Нельзя воскрешать всех подряд.

– Я же не нарочно! Что же мне дома сидеть, взаперти? А как я тогда маму спасти буду?

– Всё же я не пойму, и на небе молчат, отчего ты так переменялась? Может, я чего-то не знаю?

– Призраку нас новый, и один-единственный. Вроде и не случилось больше ничего. Сыплем пепел от старого дома, дорогу для Призраков делаем, и всё равно никто не приходит.

– То-то и оно, что не приходят. Знать бы, почему?

И тут я вспомнила о серебряной монете с дырочкой посередине и, достав её из кармана, сунула под нос Госпоже Смерти.

Она отскочила, как ошпаренная.

– Где ты это взяла? Ты знаешь, что это?

– Знаю! Это один из тридцати серебрянников Иуды. Их потерял тот, кто убил мою маму.

– Так что же ты молчала, глупая девчонка, в серебрянике всё и дело. Отдай его мне!

Я уже было протянула ей монету, но тут же отдернула руку.

– Савве Тимофеевичу кажется, что эта монета поможет мне выкупить мамино сердце. За него Дьявол всё отдаст.

– Ах, вот в чём дело. Мамино сердце! Может быть. Но на этот серебряник много желающих найдётся. Даже у меня руки трясутся от нетерпения, хоть мне и без надобности. Не носи его с собой, спрячь дома. Может, мёртвых воскрешать перестанешь.

– Я устала очень, пожалуйста, перенесите меня домой. Папа волнуется, Савва Тимофеевич и мама...

Здесь я осеклась, но Смерть погладила меня по голове, и я оказалась рядом со своей калиткой.

Папа был в бешенстве.

– Где тебя носило? Варя, ты хочешь, чтобы я умер вслед за матерью?

– Мама не умерла! – закричала я и бросилась в свою комнату.

Потом пришёл отец, и, выплакавшись ему в жилетку, я рассказала о событиях, случившихся в эти три дня, когда меня не было дома.

Выслушав меня очень внимательно, он сказал следующее.

– Оставлять здесь монету небезопасно. Теперь все знают, что она у нас. Ночью мы перенесёмся на пепелище старого Отеля и закопаем её там. Демоны не смогут ковыряться в золе.

Там мы и сделали. И пока папа рыл ямку, я гладила тонкий ствол молодой рябинки, что выросла из-под старого раскидистого дерева, моей отрады не только в жаркий день, но и в самые печальные минуты. Всё это я прекрасно помнила, хотя большинство событий из прошлой жизни улетучились напрочь из моей молоденькой и неразумной головы.

– Папа, не рой там. Я знаю, где спрятать монету. Вот, подумай сам – всё сгорело. Забор, дом, вещи волшебные, фотографии старинные. Сад пламя слизало, ни ветки, ни обглодыша не оставило, а рябинушка, моя душенька, выжила и новую жизнь дала, как мама моя, когда меня родила. Я монету под деревом зарюю и пеплом засыплю, для верности.

Так мы и сделали. Я была уверена в своей правоте, и отец поддержал меня.

Смерть была права, монета отпугивала Призраков, как знак Сатаны, но давала мне силы. Тёмные силы!

И, вернувшись домой, мы увидели нового посетителя Отеля.

Я не могла поверить своим глазам. Тот самый юноша, что я сегодня видела в метро. Он стоял, покачиваясь на ветру, краски исчезли с его одежды, а взгляд потерял колкость. На груди его зияла огромная рана, словно его переехал поезд.

Он вошёл в калитку, даже не взглянув на меня, и пошёл к дому.

Там его остановил отец, и тогда Призрак заплакал. Стал жаловаться, что он совсем один и ему страшно, и не могли бы мы приютить его на одну ночь.

– Но разве ты не хочешь остаться? – спросила я.

– Я ещё не решил! Правда, не решил. Может, я уйду, а может, останусь и буду ждать... Дайте приют несчастному. Сегодня меня кто-то спихнул на рельсы. И когда я отлетел от тела, меня потянуло к вам... Можно остаться на ночь?

Он сложил руки, как в молитве, и чуть не упал на колени. И я сдалась...

– Оставайся, но это нарушение правил.

Призрак явно повеселел и вприпрыжку помчался в гостиную и сел за стол, где уже пил чай Савва Тимофеевич.

– Это что за невидаль? Кто такой? – строго спросил он, недоверчиво косясь на юношу.

Тот даже не удосужился ответить, а только положил ногу на ногу и звонко отхлебнул чай из пустой чашки.

– Где вы этого пострела взяли? – обратится он к отцу, но тот только пожал плечами.

– Не могу сидеть там, где меня допрашивают! Где моя комнатка?

Я проводила его в одну из комнат, и, хлопнув дверью, он исчез.

На вопросительные взгляды я начала рассказывать про нашу встречу со Смертью, про оживших людей и про этого странного юношу, встреченного мною в вестибюле метро.

– Живой, говоришь, был с утра? Странно, очень странно. И контракт заключать не стал? Ещё подозрительней... Нужно проследить за ним, обязательно проследить. Аккуратненько так, ненавязчиво. Думается мне, не просто так этот молодчик явился. Он за монетой пришёл.

– Савва Тимофеевич, да как же так? – начала заступаться я. – Он с утра живой был. Что я, человека от демона не отличу? Да, он странный был, и что? Мы с вами тоже странные.

– Мы странные, а не злые. А он злой! Проследить и точка!

Спорить с Саввой Морозовым было бесполезно. И, разрешив им с отцом делать, что хотят, я ушла в свою спальню.

Мне снился сон... Мама спустилась с неба облаком света и накрыла меня с головой. Это была не мама Соня, а моя первая мама – Мария. Я чувствовала тепло и радость, но тут что-то выдернуло меня из света, и я упала на пол, где и очнулась...

Юный Призрак с колючими глазами держал меня за горло, а из его глаз вырывались чёрные ленты тумана. Как змеи, они опутывали меня, пытаюсь пробиться сквозь последний покров света.

Я кашляла и задыхалась, но тут меня ещё раз подкинуло, и я оказалась на пепелище старого дома, а рядом сидел отец и гладил меня по голове.

– Вовремя я! Прав был Савва, ох, как прав.

– Что случилось, папа?

– Призрак твой пеплом рассыпался, как только в комнату зашёл и стал демоном... Хорошо, что мы следили за ним. У того демона одна рука была отрезана и глаз выбит. Савва узнал его. Он Соню убил, а теперь ищет монету. Хорошо, что мы её спрятали.

Вернувшись домой, мы застали у калитки группу подростков...

Глава седьмая

Краски, кисти и потерянное счастье

Мой прошлый Отель не принимал детей и подростков, но коль всё перемешалось, и я была слишком юной, возрастные рамки моих клиентов сильно расширились...

В свете фиолетового фонаря они казались прозрачными и похожими, как близнецы. Три девочки и два мальчика, а над ними – женщина, вся в белом. Она плакала и умоляюще смотрела на меня.

– Варенька, помогите моим деткам! Они не знают покоя. Всё ищут меня, но я над ними, а они меня не видят и не слышат. Почему, Варенька?

– Скажите, как вас зовут?

– Я – Ольга.

– Они не видят вас, Оленька, потому что вы – Ангел, а они Призраки... Им не дано видеть света! Скажите, как я могу им помочь?

Пока я разговаривала с Ольгой, дети покачивались из стороны в сторону, словно ветер играл с их ментальными телами, может по глупости, а может, хотел разбудить их, привести в чувство.

– Вы хотите, чтобы я забрала их в Отель для Призраков?

– О, нет! Прошу вас. Я хочу забрать их с собой, не знаю, как разбудить, как позвать? Они словно зомби...

– А что с ними случилось? Почему они в таком сонном состоянии?

– Они так внезапно лишились жизни, что, похоже, не поверили в Смерть и не пошли за светом, что она указала нам. Только мы с мужем. А они остались стоять на той проклятой остановке, где мы погибли. И время остановилось для них...

– Давно это было?

– Не знаю, кажется целую вечность. Я давно узнала, что новый Отель начал работу, но заслон не пускал Призраков. Их тянуло сюда с невероятной силой, но войти они не могли. Их тут в окрестностях видимо-невидимо, но все боятся монеты.

– Ого, уже весь мир знает про монету. Не волнуйтесь, её здесь нет. Я спрятала её в надёжное место, а вход безопасен. Это долгая история, но мы с отцом придумали, как перехитрить демонов. Ваши дети могут зайти, и опасность им не грозит.

Ольга слегка замялась, а потом всё же решилась сказать то, чего я не ожидала.

– Я не хочу, чтобы они входили. Я хотела попросить вас, Варенька, пойти с нами на то место, где мы погибли, и уговорить их последовать за мной. Вы же хорошо знакомы с госпожой Смертью? Она не откажет вам ещё раз открыть тоннель...

Я поняла, что ночь будет невероятно долгой, и попросила Ольгу рассказать подробно, где и как случилась эта трагедия с детьми. Мне нужно было понять их состояние, а отцу – определить место, куда нужно было переместить нас.

Ольга начала рассказ, но прежде она подлетела к детям и каждого погладила по голове с такой материнской нежностью, что я подумала, будто бы они ей родные.

– О нет, нет, эти дети – мои воспитанники, я учительница, вела у них студию рисования. Они были самыми талантливыми...

Эти детки – сироты! Я приезжала к ним в детский дом по вторникам и учила рисовать – Счастье! Это было так важно для них, давало надежду на будущее.

А ведь от них отказались родители ещё в младенчестве, потому что сочли их недоразвитыми, бесполезными. Эти дети были им в тягость, а я радовалась каждому дню, когда занималась с ними.

В ту субботу мы поехали на Фестиваль прикладного искусства для детей с ограниченными возможностями «Мы вместе!»

Эти дети умели радоваться самому малому. Просто выйти за ворота интерната – уже было праздником, а тут настоящий фестиваль. Димка обожал метро, он просто бредил им, и без конца крутил головой. Я очень боялась не уследить за ними, поэтому-то и попросила Серёжу, моего мужа, поехать с нами. Он очень хорошо ладил с детьми. Мы тогда мечтали о своём ребёнке, но теперь это уже не важно.

Мои дети выиграли в этом конкурсе! Представляете, Варенька, какое счастье для нас. Дима получил первое место, невероятно талантливый мальчик. Его работа победила в номинации «За лучшее изображение Москвы»: «Весенняя Москва» – такая яркая, солнечная работа, на которой он изобразил Кремль и его золотые купола. Настенька заняла второе место, остальные получили грамоты в разных номинациях. Вова получил награду «За лучшую живописную работу»: «Фонтан цветов», но это была не единственная его картина... Ах, если бы вы видели, Варя, как радостно, как ярко он рисовал, словно путешествовал по миру в своей голове – «Посёлок у моря», «Венеция». И Джессика, и Вика, хоть и были чуть помладше, но тоже получили подарки и грамоты.

К трём часам дня мы подошли к остановке на Минской улице и стали ждать 130-го маршрута автобуса, и тут в остановку что-то ударило с такой силой, что нас с мужем впечатало в забор. Мгновенно боль прошла, и я взлетела вверх и видела, как машина тянула за собой тела моих детей, подминая их под себя, давя и кромсая. Они взлетали по одному и смотрели вниз распахнутыми от ужаса глазами... Их тела так перемешались друг с другом, что даже они уже не узнавали – кто из них кто. Вместе учились радости и надежде, вместе оставались и теперь... Настоящее братство. Это может понять только детдомовец.

Их тела были изуродованы до неузнаваемости. Диму опознали лишь по заячьей губе... Они держали в руках свои грамоты и подарки победителям: кисти, наборы красок, и всё это, Варенька, оставляло на асфальте яркие пятна, когда колёса машины давили их тела, а затем эти пятна смешались с кровью... И ничего не осталось от их победы. Ничего!

Если бы я обернулась тогда, я тоже бы не ушла на небо, но госпожа Смерть крикнула на меня: «Не смей смотреть, Ольга!» И я ушла в свет и лишь позже спустилась вниз и увидела этот кошмар, а они зависли над своими телами, растерянные и несчастные.

Тела увезли, улицу вычистили, хоть так и не смогли вымыть кровь из щелей асфальта. Затем уволокли искореженную остановку и машину того негодяя, а они всё висели на том же месте и не двигались. И даже когда их похоронили на Востряковском кладбище, всех пятерых, рядышком, они даже не шелохнулись. Через год на могилах поставили памятник с пятью белоснежными Ангелочками, и я понадеялась, что это разбудит их, но нет... Слёзы друзей и учителей не тронули их. Вот и привела их к вам, только на вас вся надежда!

Отец больше не мог это слушать и перенёс нас на улицу Минскую. Тут до сих пор лежали цветы и игрушки. Лица детей на фотографиях в скромных рамках поблекли, стерев навсегда их черты. Остановку перенесли, следы трагического происшествия убрали, но на заборе остались глубокие вмятины с бороздками тёмного цвета.

Я стала звать Смерть, но она не пришла... Мы долго ждали, но всё напрасно.

И тогда мы вновь перенеслись... Ночь теряла тёмные краски, и близился рассвет. Нам нужно было спешить!

Мы стояли напротив памятника из чёрного мрамора. К нему были прикреплены таблички с именами детей и пять белоснежных Ангелов. Они светились! И казалось, что вот-вот оживут и взлетят к небу.

Я вновь позвала Смерть... Это было подходящее место, чтобы встретиться с ней, и она не смогла отказать мне...

Увидев детей, она обратилась к Ольге.

– Что же ты маешься, деточка? Отдай их Варе и лети себе с миром. С ними всё будет хорошо!

– Да что с ними может быть хорошо? Они же Ангелы, а блуждают по земле как неприкаянные.

– Согласна с тобой! Но что я-то могу сделать? Не могу я портал открывать, когда мне вздумается, не в моей это компетенции. Так на Земле ни одного Призрака не осталось бы. Покричал Смерть – улетел на небо. Пустовал бы Варин Отель.

– Он и так пустует... – прошептала я вслед Смерти, чтобы никто не услышал.

Та посмотрела на меня и махнула рукой.

– Не сейчас... Потом поговорим!

И тут мы услышали голоса... Двое несли что-то в чёрном мешке, периодически кладя его на землю...

– Тяжёлый, зараза! Знал бы, убил бы сразу и пополам распилил! – сказал тот, что был поменьше ростом.

– Да ну тебя, Костян, мазаться в крови, потом в ванную год не полезешь. Трупак будет мерещиться.

– И чёрт с ним. А так, Петька, я надорвусь, и будешь ты сам его закапывать.

Они подошли к вырытой заранее могиле, в правом ряду от нас и взялись за лопаты, чтобы сделать её ещё глубже. План был простым и в то же время беспроблемным. Выкапываешь могилу глубже обычной и хоронишь труп, а завтра на него гроб поставят и землёй засыпят, и никто никогда не найдёт следов преступления.

Костян рыл с энтузиазмом, раскидывая глину в разные стороны, а Петька отгребал её в одну кучу, чтобы никто не заподозрил, вот тут-то к ним и подлетела Смерть. Она не помнила, чтобы забирала человека в чёрном мешке. Это для нас он был неизвестным трупом, а она знала всех живущих на Земле. Нет, конечно, не по имени, а по душе, которой лет куда больше, чем нашему бренному телу.

И теперь она была возмущена, ибо, по её сведениям, этот человек был в числе живых, но эти господа настойчиво хотели провести несанкционированный обряд погребения.

Первым её заметил Петька, и от ужаса его волосы встали дыбом. И, потеряв сознание, он рухнул в свежевыкопанную и очень глубокую могилу. Но на тот момент, к его несчастью, Костян поднял лопату вверх, и Петька напоролся на неё всем своим грузным телом и тут же испустил дух. А вслед за ним и его друг, на которого он упал столь неожиданно, с перепугу перестал дышать и также отлетел в сторону неба, как шарик для пинг-понга. Обе души висели над могилой и хныкали, как малые дети.

– Вот теперь всё правильно! И кто вас надоумил живого человека закапывать, так и в Ад отправиться недолго?

Испуганные души стали оправдываться, валить всё на хозяина, но Смерть не стала их слушать.

– Возьмёте ребяташек с собой – прощу вас, нет – вызову падальщиков из Ада.

– Возьмём, возьмём! – запричитали те.

Тогда Ольга подлетела к ребяташкам и взяла за руки мальчиков, а Пётр с Костей – девочек, и, когда портал открылся, они медленно стали подниматься ввысь. Лица детей озарились светом, и не успела я помахать им рукой, как они исчезли из виду.

Смерть собралась уходить, но потом обернулась и сказала с усмешкой:

– Не забудь развязать мешок, Варенька, не пожалеешь. И спасибо за ребяташек!

Я хотела спросить у неё, чем же я помогла ребятам, ведь всё случилось не по моей воле, а вследствие непредвиденных обстоятельств, но не успела...

Моя подруга улетела, а чёрный мешок зашевелился и застонал...

Глава восьмая

Часовщик

Мы с отцом бросились к несчастному и начали рвать мешок руками, пока папа не вспомнил про перочинный нож в своём кармане. С ним дело продвигалось быстрее.

Первый надрез мы сделали у головы, чтобы дать человеку возможность вдохнуть свежего воздуха.

– Крепкими стали мешки под мусор делать, – ворчал папа. – Раньше чуть дёрнешь – и готово, а этот и нож не берёт.

– И вовсе я не мусор... – раздался тихий голос.

Мы поспешили достать незнакомца из пакета и помогли ему сесть.

Это был очень странный человек. Вроде и одет обычно, и с лицом всё в порядке, но глаза выдавали в нём великую мудрость и усталость, словно он живёт на Земле много веков, без передышки.

– Спасибо! – сказал он и встал на ноги. – Глупо было умирать – так...

– За что они вас?

– Тайну хотели узнать, пытать начали, тут я и притворился мёртвым.

– А какую тайну? – не унималась я.

Но человек лишь улыбнулся снисходительно и промолчал.

– Ладно, с тайной проехали... А как зовут вас, узнать можно?

– Отчего же не узнать, если узнать можно. Зовут меня Семёном Ивановичем, в последней версии...

– Что значит – в последней версии? Вы что же – книга, чтобы вас издавали несколько раз?

– Ха! Точное определение моей жизни – книга. Сообразительная девочка! Но к счастью я – не книга, я – человек, который прожил очень долгую жизнь.

– Насколько долгую? – спросил отец.

– Очень долгую! Почти как ваша дочь.

Через минуты мы были дома, прихватив с собой незнакомца, и, чтобы проверить его, отец поставил его на дорожку с пеплом.

– Хитро придумана защита, жаль только, что осенью смочет дождями, – сказал Семён Иванович.

– Всё-то вы знаете, любезный! – съехидничал отец.

– Не всё! Не стоит преувеличивать! Но многое знаю, спорить не буду. И в доме этом я бывал. Правда, очень давно, лет так пятьдесят назад. А как поживают Акулина Фёдоровна и Егор Каземирович Вяземские?

– Умерли они! И очень давно, ещё до моего рождения! – сказала я, а внутри, в самом сердце, что-то ёкнуло и зануло.

– Как жаль, милейшие были люди... Я прожил здесь с пару месяцев, но потом покинул дом, уж очень хозяева были заняты... Кажется, это было в вашей прошлой жизни. Вы тогда лишь только начали видеть сны про дом, и я, ваш покорный слуга, слегка в этом замешан.

– Как? – вскрикнула я.

– Не пугайся, дорогая Варенька, просто внушал тебе твои же воспоминания.

Нам навстречу вышел Савва Тимофеевич и радостно засвистел.

– Часовщик, друг мой, какими судьбами к нам? Не думал встретить тебя здесь.

– Саввушка, и я рад! Ох, как рад. Жизнь обретает новые краски. А я уж помирать собрался.

– Что ты, что ты! Это дело всегда успеется! Вот посмотри на меня, совершенно мёртвый. Коньяку не пригубить, сигару не выкурить, и барышень, пардон всем присутствующим, не потискать.

Ты с нами останешься? Только не говори, что на минутку зашёл, поколочу...

Саввушка и Часовщик обнялись и затеяли шуточную возню. Наигравшись вдоволь с Семёном Ивановичем, сказал:

– Это как Варенька решит. А я бы остался. Надоело скитаться. Ей-Богу, надоело.

Я была в лёгком недоумении. Во-первых, мы только что достали этого человека из мешка, но, как оказалось, он даже был в нашем доме и знал моих родных и даже меня в прошлой жизни. Я не верила в подобные совпадения. И госпожа Смерть сказала, что я не пожалею... А она любит загадки, но только в мою пользу, и плохого не пожелала бы. И тогда я выпалила громко, чтобы все услышали моё мнение.

– Оставайтесь с нами! Мы будем рады!

Так в нашем Отеле для Призраков появился ещё один постоялец. Совершенно живой, невероятно умный и очень приятный человек. Мы рассказали ему про маму и про серебряник Иуды. Он спустился с нами в подвал, погладил её по голове, а вечером решил побаловать нас историей своей жизни, чтобы хоть как-то отвлечь от грустных мыслей.

Семён Иванович в то далёкое время, на рубеже девятнадцатого века, работал Часовых дел мастером. Была у него своя будочка в торговых рядах, и дела шли успешно, почти на всё хватало. В то время часы были вещью дорогой, и к мастеру приносили не только сломанные часы, но и те, что требовали «техосмотра», как теперь говорят про машины. Подкрутить, почистить, смазать...

В один солнечный весенний день, с самого утра, пришла к нему старушка, дряхлая такая, но по виду – барыня. Вся в чёрном, в кружевах и пенсне. Посмотрела на мастера очень внимательно, а в ту пору он был ещё молод и хорош собой, впрочем, даже сейчас он был весьма приятной внешности, и попросила посмотреть часы покойного мужа, мол, отставить стали, и надпись гравировочная истёрлась, восстановить бы нужно...

С Семёном Ивановичем договориться было легко. Был он услужливым молодым человеком и работы не боялся.

Провозился он с этими часами три дня. Не слушались они его, то отставали, то вперед бежали, а потом и вовсе встали. Беда да и только. Работу он отставил и за гравировку взялся.

И с каждым словом понимал он, что надпись эта больше похожа на заклинание, чем на посвящение. Но велено было поправить, так и сделал. Заблестела крышка часов, а буквы гравировки словно огнём горели.

Он ждал хозяйку часов, но она так и не пришла, и тогда он отправился к ней домой, но старый слуга сказал ему, что она умерла.

Часовщик понял, что именно в тот день, когда та принесла часы в починку, истекло её земное время.

С того дня жизнь Семёна изменилась.

За год он сколотил приличное состояние, и всё из-за того, что часы во всём городе словно бы сговорились. Они ходили так непредсказуемо и постоянно останавливались, что город не знал, когда вставать на работу, обедать и ложиться спать. Даже часы на башнях вышли из строя, запустив ход стрелок в обратном направлении.

Работы у Часовщика было столько, что пришлось помощников нанимать.

Но когда все часы были исправлены, Семён уже мог купить дом и обзавестись семьёй.

Дети росли, но он оставался молодым, как и прежде, и когда голова любимой жены покрылась сединой, он понял, что время не властно над ним, в отличие от близких ему людей.

Так, почти не выходя на улицу, он пережил всю свою семью и решил, что с него хватит. Он перебрался на окраину города, где его и застала Великая Октябрьская революция.

Он спешно сбежал в Париж, где и прожил до середины прошлого века. Не нравилось ему там, не прижился. Дело в том, что часы давали возможность перемещаться не только во времени, но и в пространстве. А свой свояка видит издалека. Супруги Вяземские тоже дружили со временем и с лёгкостью прожили полтора века в любви и согласии, пока не получили задание – присматривать за мной. Наше знакомство и погубило их.

В их доме тоже имелись часы – напольные. Сейчас они были сломаны. В тот день, когда мои дорогие Акулина Фёдоровна и Егор Кузьмич погибли, в часах треснуло стекло, и они встали на той самой секунде, когда их не стало.

А теперь о нашей первой встрече. Она случилась, когда в прошлой жизни мне снился Отель для Призраков. Семён Иванович перемещал меня в него по ночам, а дом проникал в моё сознание, и это было скорее не сон, а реальность, просто с закрытыми глазами. А потом он сидел у моей постели и внушал мне мои же воспоминания. Умно придумано. Всё повторялось точь-в-точь, каждую ночь, без малейшего отступления от сюжета. Что успела запомнить, то и снилось.

Так он познакомился со мной, а я с ним только сегодня.

Дальше он продолжил скитаться по России, и вот вернулся на днях в Москву, а эти странные люди ворвались в его квартиру и требовали открыть тайну. Тогда Семён Иванович не растерялся и притворился мёртвым.

Конец этой истории уже известен. Мы вытащили его из мешка, живого и невредимого.

Он пожаловался нам, что в последнее время стал замечать, как сильно постарел, а часы ходили исправно, но, как он уже догадался, они не давали вечной молодости и бессмертия, а лишь оттягивали время его смерти... Но почему? Ему казалось, что в этом есть какой-то тайный смысл. Возможно, цель долгого существования на этой земле была определена ему именно в самом конце.

И я была с ним согласна. Госпожа Смерть не зря подмигнула мне, и не зря этот человек оказался в мешке из-под мусора... При его способности к перемещению он мог бы выбраться и сам, но терпеливо ждал, когда мы спасём его.

В нашей команде появился очень полезный и, что очень важно, живой человек, способный к борьбе со злом.

Единственное, что огорчало меня или, точнее сказать, настораживало, что Отель был по-прежнему пуст. Лишь один Призрак находился в его стенах, но больше от радости быть с нами, чем от желания попасть на небо в момент моей кончины.

В то время я не понимала, как глупа была тогда, желая гостей в мой дом, ведь это означало – смерть, трагическую и ужасную, которую уже нельзя было исправить, даже имея такие волшебные часы, как у Семёна Ивановича.

Следующий день, 13 июля, стал самым страшным днём в моей жизни. Были они и дальше, но позже я привыкну к виду изуродованных тел и испуганных обезображенных Призраков до того момента, как я заключала с ними сделку и они заселялись в Отель. Только после этого их внешность менялась, раны затягивались, а боль отпускала их души.

Глава девятая Автобус 1033

Я почувствовала зов... Что-то тянуло меня вдаль, и я попросила отца переместить меня в то место. Семён Иванович последовал за отцом, надеясь быть полезным. Они-то точно знали, что впереди нас ждёт кошмар, но то, что мы увидели, лишило нас дара речи.

Словно бы туман стоял над дорогой, но не влажный, как поутру, а едкий и колкий. Им невозможно было дышать...

А когда он осел...

Крики внезапно ворвались в воздух, словно этот туман, который оказался каменной пылью, заслонял их от внешнего мира. Люди кричали, стонали и просто плакали, тихо так и безысходно... Со всех сторон бежали им на помощь. Машины останавливались, кто-то, чтобы просто поглазеть на страшную картину аварии, а большинство съезжали на обочину и спешили на помощь. Из домов по обе стороны улицы выскочили сельчане и бросились в бой за жизнь каждого, кто ещё мог дышать, кричать и плакать...

Автобус под номером 1033 был разломлен надвое и смят, как выброшенный пакет из-под молока. Рядом лежал на боку КАМАЗ, содержимое кузова которого высыпалось в автобус, похоронив под собой людей, ещё живых...

Каменная крошка окутала автобус во время столкновения, в неё-то мы и попали, когда переместились. Теперь она осела и легла серым покрывалом на тела погибших, что лежали повсюду. Сначала крови не было, рассыпавшийся щебень забирал её, прятал под собой, словно заметал следы, но потом... Её поток усилился и, преодолев порог камней, она покрыла место страшной аварии.

Под моими ногами была кровь, я отступала от неё, а она преследовала меня, гнала прочь. Мне на секунду показалось, что камни превратились в омерзительных слизней и копошились в жиже, напиваясь ею, как пиявки.

Отец и Семён Иванович помогали раненым. В стороне стоял человек и, держась за окровавленную голову, причитал и плакал. Это был водитель грузовика. Он чудом остался жив, но вот – вопрос, желал ли он этого? Бывают ситуации, когда умереть менее страшно, чем выжить.

Пожилой мужчина лежал на спине, и ему уже не нужна была помощь. Пятясь, я наступила на что-то и подняла с земли часы на разорванном ремешке. Они остановились в 12 часов 54 минуты.

– Варенька, как хорошо, что ты здесь!

Смерть стояла в сторонке и печально качала головой. По костлявой щеке текла слеза.

– Чем же я могу помочь?

– Забери всех, кто останется, когда я уйду. А то на этом месте покоя не будет. Чёрная дыра образуется, такая радость для демонов. Ведь и теперь без них не обошлось.

– Заберу, конечно! Но почему они не взлетают?

Души не отделялись от тел, и это было странно.

Погибших и искалеченных до неузнаваемости уже оттащили в сторону и упаковали в мешки. Службы работали на редкость оперативно: «скорые», вертолёты, пожарные...

Смерть подошла к ним, наклонилась низко-низко и позвала меня.

– Мне одной не справиться. Зови их, Варя, зови что есть сил...

И я стала звать... Первыми отлетели трое, одна семья... Они взялись за руки, и в их глазах не было страха... Смерть открыла портал, и они взмыли вверх, за ними мама с маленькой на руках, две старушки и старичок...

По мере того, как людей вызволяли из каменного плена, ряд чёрных мешков возрастал... Две женщины зависли рядом со мной и искали свои тела, но узнать их не могли. Они вглядывались в каждого, кого уносили в сторону, мимо «скорой», и вновь возвращались ко мне. Одна была помоложе, лет 25, а второй на вид лет 38, через минуту к ним присоединилась ещё одна женщина... Они держались вместе, но не собирались улетать в тоннель.

Смерть была в бешенстве, понимая, что на мёртвых лежит заклятие, их души не могут покинуть тела, они стали для них непробиваемым панцирем.

Тут меня осенила интересная мысль, и я поделилась ею со Смертью. Она дала добро, и мы с папой исчезли на несколько минут и вновь вернулись. В руках у меня была пятилитровая пластмассовая бутылка, в таких обычно продают воду в магазинах. Но эта вода была не простой. Мы побывали в ближайшей церкви и попросили у Батюшки святой воды, и тот ещё прочитал дополнительную молитву для очищения.

Я подошла к чёрным мешкам, под которыми уже накопилось целое озеро крови, и стала сбрызгивать их святой водой. И это подействовало. Вода пенилась на чёрной поверхности полиэтилена, словно вступила в реакцию с какой-то кислотой, и сквозь образовавшиеся бреши души выскакивали на волю и влетали в тоннель, боясь задержаться даже на секунду.

Спасательные работы в развороченном автобусе продолжались, а я занималась своим делом.

Среди погибших было много людей пожилых, они уходили на небо спокойно и без сомнений, благодарно кивнув мне на прощание. Но три женщины по-прежнему висели в метре от земли и старались держаться рядом со мной.

«Скорые» приезжали и вновь уезжали, увозя искалеченные, но ещё живые тела, и я молилась за них, тихо шепча под нос: «Помоги им, Господи, помоги!»

– Ещё четверо умрут! – тихо сказала Смерть и закрыла портал. – Этих женщин забирай с собой. Здесь не оставляй. Добра от таких Призраков не жди, останутся здесь и будут мстить всем подряд. Так что побыстрее контракт с ними заключай, пока другие не подоспели.

– Кто – другие?

– Сама знаешь – кто... Нашла время глупые вопросы задавать. Я за «скорыми» полетела, а ты спеши.

Настало время покинуть место страшной трагедии. На земле лежал ряд чёрных пакетов, 14 штук. Именно так говорили о них, и пересчитывали в штуках, некогда здоровых, жаждущих жить и строящих планы – людей, мужчин и женщин и одну крошечную малышку, чья жизнь только вступила в силу.

Мне хотелось кричать и плакать от негодования, но я вовремя опомнилась.

Вопрос – за что? – звучал в корне неправильно. Кому нужна была смерть этих людей и кто виновен? Все кругом говорили о водителе грузовика, но он был лишь пешкой в руках куда более влиятельных существ.

Ненависть, злоба, обида.

Чем больше людей потеряют веру, тем сильнее будет власть тёмной стороны. Я поняла это сейчас, но тогда я просто плакала чистым сердцем, горюя о потерянных жизнях, жалея тех, кого ждёт страшное известие о гибели близких.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.